

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц

Сериал «Детективный триумvirат»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы

*Инна
Баринская*

Темный ангел
одиночества

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Дизайн серии А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Темный ангел одиночества : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-699-84447-0

Хозяйка агентства «Королевская охота» Екатерина Берест получила от своего давнего приятеля, журналиста Леши Добродеева, неожиданный подарок — хвалебную статью о ней и ее успешном бизнесе. После такой рекламы Катя, агентство которой вообще-то занималось охраной, а не розыском, получила неожиданный заказ — найти пропавшую женщину... Марту все считали немного не от мира сего, почти блаженной. Ее муж Евгений рассказал, что видел в новостях сюжет о сбитой на дороге женщине, в которой он узнал Марту. Но ее не оказалось ни в больницах, ни в моргах, лишь медсестра в травмпункте сказала: Марту действительно привезли к ним, но она, несмотря на сильные травмы, ушла, причем, никто не заметил, как и когда... Катя нашла Марту в ее старой квартире. Женщина была полностью здорова, но она сидела в кресле, улыбалась и ни на что не реагировала. Оставалось непонятным, где Марта находилась в течение нескольких дней после аварии и каким образом зажили все ее раны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84447-0

© Бачинская И.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря...

В. Брюсов. «Ангел белый»

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...Ранний зимний вечер в большом городе. Река красных автомобильных огней, красно-зелено-желтые вспышки светофоров, синие сумерки, хруст льда, шорох, топот, шарканье, цоканье — броуновское движение толпы; неясный гул голосов; смех. Народ плывет мимо освещенных окон-аквариумов, банков и магазинов, внутри — клерки, мониторы, пестрый товар, ярко упакованная еда, стекло с разноцветным алкоголем и винами.

Не холодно. Пахнет снегом. Первая звезда на севере, бледная — мешают городские огни. Парк пуст, бел, холоден и задумчив. Стены сугробов по сторонам аллеи как военные укрепления, по периметру вала — пушки, черные, чугунные, тяжелые; массивные колеса, которые уже никогда никуда не покатят, и дула торчком, из которых уже никто никогда не выстрелит. Все. Отгремело, отстрадалось, затянулось. Оружие молчит, говорят музы — новобрачные фото-

графируются на фоне да детишки виснут — такая вот символика и связь поколений и молодой побег на старом стволе.

Малиновые с зеленым сполохи на западе, глубокая синева на востоке, на холме у горизонта силуэты луковиц собора и колокольни Троицы. Когда тихо, и перезвон долетает.

Днем растаяло, сейчас, под вечер, подмерзло, от хруста ломит в ушах. Кому придет в голову забрести вечером в пустой парк? Собак выводят рано утром и поздно вечером, а сейчас безвременье, и в парке чувствуется некая затаенность — городские шумы как сквозь подушку, густой темнеющий воздух, легкие звочки непонятого происхождения — не то ветки потрескивают, не то сорвалась и полетела в сугроб шишка, не то снежный ком. И запах снега, в котором арбуз, крахмальная простыня, мокрые вареники и талая вода.

Женщина — ее звали Юнона — шла по аллее, цокала каблуками, прятала руки в широких рукавах шубы; длинные волосы рассыпались по плечам, Евгений говорит — волчья грива. Просто шла. И рассеянно думала о всяких значительных и незначительных, но приятных вещах. О том, что нужно зайти купить что-нибудь к ужину, о новом шелковом халатике-кимоно, о том, что сегодня придет Евгений. Евгений... Радость, томление, усталость отступает, и цифры, деньги, проценты тоже отступают... Как же мало это все значит, если придет Евгений!

Даже в цокоте каблуков его имя: Ев-ге-ний, Ев-ге-ний, Ев-ге-ний... Гений.

Она не сразу заметила сидящую на скамейке женщину. Юнона замерла — она готова была поклясться,

что парк был пуст еще минуту назад и на скамейке никто не сидел. Редкие снежинки пролетали в голубоватом свете фонаря с разбитым стеклом, скамейка утопала в нетронutom сугробе, дорожки к ней протоптано не было. На скамейке неподвижно сидела женщина в белой норковой шубке — Юноне был виден ее профиль. По-прежнему летел косо снег; он мягко ложился на короткие рыжие волосы женщины. Она сидела, опираясь на ажурную металлическую спинку, всматривалась в догорающий закат. Короткий нос, вздернутый подбородок.

Юнона поднесла руку к горлу, сглотнула. Ей стало жарко — она неуверенно переступила на месте. Расстегнула шубу. Сделала шаг к скамейке и позвала:

— Марта?

Женщина на скамейке осталась неподвижной. Пугающе неподвижной. Юнону снова окатило жаркой волной.

— Марта?! Ты?!

И снова ничего не случилось. Женщина словно не услышала — по-прежнему смотрела вдаль. Юнона присела на край скамейки и позвала еще раз. И тогда женщина повернула голову, взглянула через плечо и улыбнулась знакомой неровной улыбкой — чуть приподняв правый уголок рта. Улыбкой, которую Юнона так ненавидела. Синие глаза казались черными. Она молча смотрела на Юнону, и в ее неуверенной улыбке был вопрос.

И Юнона, отчаянная, бесшабашная, сильная Юнона вдруг забормотала жалко:

— Марта, ты? Ты? Но ведь... мы все... как же так? Как глупо, нелепо! Честное слово, я не понимаю...

Она осеклась и вдруг почувствовала, что дрожит. От жаркой волны не осталось и следа. Накатило, полыхнуло, ушло... Ей было холодно, неудобно, слова не шли с языка, что за напасть?

— Возьми себя в руки! — приказала себе Юнона. — И прекрати мямлить!

Обычно это помогало. Обычно, но не сейчас. Губы свело, зубы выбивали дробь, и появилась в висках тонкая противная ноющая боль — как сверло вгрызалось. Юноне показалось, что она теряет сознание.

Сверло с визгом вгрызалось в череп; по вискам побежали тонкие теплые струйки. Ей стало страшно — кровь? Юнона прижала пальцы к вискам, потом поднесла к глазам. Ничего! Не кровь. Показалось. Фу, глупость!

Евгений говорил, она приносит удачу. Амулет. Талисман. Оберег. Марта.

Ненавижу!

Они смотрели друг на друга. Юнона — сцепив зубы, та, другая — с неровной рассеянной улыбкой. Горел фонарь с разбитым стеклом, летел косой снег. Умирал запредельный закат. Троицкие колокольни растворились в сумерках, от золотой луковицы осталась слабая светлая точка. Вот... сейчас исчезнет. Исчезла! Теперь — ночь.

Откуда же ты взялась, Марта?

— Марта, ты... как... — Жалкий лепет. — *Где ты?*! — Глупее не придумаешь.

Где она может быть, как, по-твоему?

— А Евгений знает? Ты... Я часто думала о тебе! Да, я тебя не любила, но... честное слово! Да скажи ты что-нибудь! — выкрикнула Юнона в отчаянии.

Марта приветливо кивнула и поднялась. Шагнула из круга света в темноту, пошла в глубь пустого темного парка и через минуту слилась со снегом в своей белой шубе, а Юнона осталась. Замерзшая, она сидела на скамейке и смотрела вслед Марте, никого уже не видя. Наконец с трудом поднялась — колени сковало холодом. Сунула ледяные пальцы в широкие рукава. О Марте напоминали лишь следы в светлом круге — короткая птичья цепочка, невидимая за его пределами. Глухая тишина, летящий снег, пустой парк.

Бред! Это же бред! Этого просто не может быть! Да что же это...

Кажется, *она* что-то сказала. Что? Не вспомнить. Какое-то слово — шевельнулись губы... Слово... может, имя? *Юнона*. Да! Она сказала «Юнона»! Да! Или... нет?

...Юнона вышла из парка в сияющий город — городские шумы, автомобили, толпа — и с удивлением поняла, что плачет. Огни фар и уличных фонарей расплывались, искрились, подмигивали. Лицу было холодно. Она нашарила в сумочке мобильный телефон. Подруга душевная Зося...

— *Я только что видела Марту*. — Как в мут головой.

Зося ахает. Пауза. Проходит бесконечная минута. Зося молчит. Юнона отключается, сует мобильник в сумку.

Улица вибрирует в огнях реклам. Народу заметно поубавилось. Юнона шагает как робот, не замечая массовки. Шагающий робот. Рекламирующий... а что же *он* у нас рекламирует? Последние коммуникационные модели? Ай-фоны-пады-моды? Ароматизированные прокладки с усиками? Супер-

пятновыводитель «Галактика»? Или практикум-семинар «Как добиться успеха в этой долбаной жизни»?

Юнона устала. Жизнь тускла, впереди пустота. Ночные бдения в любимом кабинете, любимая работа, любимые цифры...

И все.

Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить, мне некого больше любить...

Глава 1

Гостиница. Несколько лет назад

Женщина торопливо шла по длинному коридору гостиницы, рассматривая золотые цифры на дверях. Хрустальные бра, картины, деревья в китайских горшках, приятный запах лаванды. «Континенталь» — самая крутая городская гостиница, и она подумала, что на этот раз клиент попался приличный.

Она давно перестала стесняться... Сначала было противно, гадко до обморока — она подолгу стояла под душем, содрогаясь от отвращения, смывала с себя следы рук... мерзких лап. Потом долго сидела на кухне, босая, в махровом халате, отхлебывала коньяк из высокого стакана, постепенно тупея. Взгляд туманился, в голове начинало шуметь, мысли рвались, не додумываясь до конца. И тогда приходило облегчение. Цепляясь плечами за стенки, она брела в спальню, падала на кровать и проваливалась в мутный и тяжелый сон.

Иногда попадались вменяемые, но чаще друзья и партнеры Николая были просто подонками. Пьяными, грубыми подонками. Сцепив зубы, закрыв глаза, стараясь не дышать, она считала про себя секунды и минуты до последних конвульсий... клиента.

Некоторые хотели поговорить, им было интересно, почему да как, даже с их точки зрения, точки зрения морально-ущербных маргиналов, промышляющих на помойках и задворках жизни, часто на самом дне, то, что происходило с ней, было неправильно.

Она отделялась короткими фразами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать от отчаяния. Иногда они говорили о своих семьях — жене и детях, с чувством превосходства, давая понять, что она дрянь, гостиничная шлюха, женщина, не стоящая внимания. А она повторяла себе: ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Бежать! Куда угодно! К черту, в преисподнюю, в тартары! Полы мыть, пачкать руки, а не душу!

Человек ко всему привыкает. Через год она привыкла и больше не помышляла о бунте. Отупела. Говорила себе, что... подумаешь! Ее не убьет, Коля ее любит, вот-вот придут большие деньги, и они уедут! Купят дом... где-нибудь, когда-нибудь... в будущем. Нужно просто потерпеть немного, все будет. Если бы она покопалась у себя в душе, она поняла бы, что уже ничего не ждет, катится себе по инерции, день да ночь — сутки прочь — гостиничный номер, случайный пьяный мужик, потом горячий душ, стакан коньяка и полуобморочный сон. Любимый человек рядом. Всякая бывает любовь, у одних такая, у других сякая. Такая ее планида.

Она неторопливо красилась, сидя перед зеркалом; надевала красивое белье. Доставала безумно

дорогие туфли — «рабочие», подумала угрюмо; прикасалась пробочкой дорогого парфюма к вискам, запястьям, ложбинке на груди; долго расчесывала свои длинные блестящие волосы — это называлось придать себе товарный вид. Красивое платье, плащ или шубка в зависимости от сезона, сумочка, перчатки... и можно выступать.

Она негромко постучала. Раздались неторопливые шаги, щелкнул замок, и дверь открылась. Крупный человек лет сорока, видный, в костюме, а не в халате или, чего хуже, в трусах — в простоте и жлобстве, бывало и такое, — стоял на пороге. Не похоже, что пьяный.

Он молча посторонился, и она вошла.

— Прошу вас! — Он сделал жест в сторону дивана. — Водки? Виски? Шампанского?

— Шампанского, пожалуйста, — сказала она.

Он достал из серванта бокалы, ловко откупорил бутылку, разлил. Пододвинул открытую коробку шоколадных конфет. Они выпили. Он откровенно ее разглядывал.

— Как вас зовут?

— Елена.

Она назвалась чужим именем — называть ему свое настоящее ей не хотелось. Это было как хрупкая стена между ними, как дистанция и последняя черта, и переступить ее она не желала. Было бы уместно спросить, как его имя, но она промолчала. Скорее всего, он совет. Да и какая ей разница? Ее молчание не было бунтом, оно говорило лишь о равнодушии. Если бы она посмела, она бы сказала ему:

— Пожалуйста, побыстрее. Не надо разговоров «за жизнь», не надо лезть мне в душу.

Если бы она была бунтаркой, она бы прошипела:
— На, подавись! Чтоб ты сдох, сволочь!

Но бунтаркой она не была — разве бунтарка придет в гостиницу к незнакомому мужику и позволит ему... все?

Он откровенно рассматривал ее. Она упорно смотрела в сторону, чувствуя его настойчивый взгляд, чувствуя, как вспыхивают шея, лицо и уши.

— Хотите, поужинаем вместе? — вдруг спросил он. — Можно суши или цыпленка. Здесь хорошая кухня. Хотите? Я закажу.

Она кивнула. Он, казалось, обрадовался:

— Прекрасно! Не люблю ужинать один. Завтракать — нормально, а ужинать — увольте! Спасибо. Кстати, меня зовут Олег Максимович.

У него был приятный голос, мужественное лицо и красивые руки.

— Я у вас впервые, — сказал он. — Красивый город, старинный, патриархальный, с устоями... и эти золотые луковицы и конусы. Я никогда не видел на соборах конусы, седая старина, должно быть.

— Вы много путешествуете? — осмелилась спросить она.

— Приходится, по роду службы.

Она ожидала, что он скажет, чем занимается, но он промолчал. В дверь постучали — доставили ужин.

Несколько минут они ели молча.

— Как? — спросил он.

— Вкусно, спасибо.

— Еще шампанского? — Он снова наполнил бокалы.

— Вы давно знаете Николая? — вдруг спросила она, чувствуя себя бесшабашной и смелой. Что-то

она почувствовала в нем — и это что-то мало сочеталось с Николаем и его друзьями.

— Нет, пару дней всего. Но слышал о нем от... людей. Вы с ним женаты?

— Нет.

— Давно вы вместе?

— Два года.

— Понятно. — Он задумался. Ей показалось, он хочет о чем-то спросить, но не решается, и она взглянула вопросительно. — Лена, зачем вам это?

Он все-таки спросил. Похоже, разговора «за жизнь» не избежать.

Она молчала, глядя в стол. Потом сказала:

— Не знаю. Сначала мне казалось, я спасаю его, любовь была, теперь... не знаю. Жалею, наверное. Коля пытается не играть... бывает, выдерживает по месяцу, один раз даже два, а потом срывается. Карты... это хуже наркомании. Он страшно мучается, кается, чувствует себя виноватым. Однажды хотел покончить с собой. У него друзья не очень порядочные... я не люблю их, они сбивают его с толку. Я делаю что могу. Он как ребенок, он пропал без меня.

Он помолчал, потом сказал:

— Вы удивительно преданный человек, Елена. А еще говорят, что жертвенной любви в наше время уже нет. И часто вы... — Он замаялся.

Она побагровела. Странное дело, она не стеснялась случайных дружков Николая, чувствуя себя другой, повторяя себе, что их грязь ее не испачкает. А этот говорил с ней так... по-человечески, участливо. Она словно взглянула на себя его глазами и почувствовала такой стыд, что перехватило горло.